

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА: «СЛУЧАЙ С КЛАССИКОМ» И «РЕПЕТИТОР»

Аннотация. В статье рассматривается один из наиболее важных аспектов классицизма в России второй половины XIX в., а именно классическое образование. В центре внимания автора два рассказа А.П. Чехова – «Случай с классиком» (1883) и «Репетитор» (1884), – рассматриваемые в контексте системы классического образования в России того времени. Эти произведения можно считать репликами в бурной общественной дискуссии, которая велась вокруг реформы государственного образования, инициированной графом Д.А. Толстым в начале 1870-х гг. Такие филологи-классики, как А.И. Георгиевский и профессор П.М. Леонтьев, а также влиятельный московский журналист М.Н. Катков были активными сторонниками этой реформы. Напротив, знаменитые ученые Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский, а также известные российские профессора-филологи В.И. Модестов и В.И. Цветаев выступали против нововведений в образовании. В рассказах А.П. Чехова «Случай с классиком» и «Репетитор» можно видеть ироничное отношение к отрицательным сторонам преподавания древнегреческого языка и латыни в гимназии в рамках системы классического образования, созданной министром народного просвещения Д.А. Толстым. В обоих произведениях содержится немало деталей, связанных с личным, далеко не всегда позитивным, опытом учебы А.П. Чехова в Таганрогской Александровской гимназии. Тем не менее, классицизм в сфере образования создал культурную почву, которая дала обильные плоды в литературе, искусстве и гуманитарных науках в конце XIX – начале XX в. Впечатляющий подъем антиковедения в России того времени был бы невозможен без классической гимназии с ее древними языками.

Ключевые слова: Антон Павлович Чехов; рецепция Античности; классическая система образования; гимназия; реформа государственного образования; Дмитрий Андреевич Толстой; древнегреческий язык; латинский язык.

Сведения об авторе: Владимир Иванович Кащеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, тел. 89272243781, e-mail: kasceev@mail.ru.

Россия нового времени связана с античным миром множеством нитей. Классическое наследие в русском обществе осваивалось различными путями и затронуло без всякого исключения все сферы духовной жизни: язык и литературу, изобразительное искусство и театр, право, философскую мысль и науку. Особенно плодотворным в этом отношении оказалось столетие от Екатерины II до Николая I. Это была поистине эпоха русского классицизма (Кащеев 2012: 63). На протяжении всего XIX в. – от Александра I до Александра III – классицизм развивается в области образования и гуманитарных наук, прежде всего, в науке об античности.

Антон Павлович Чехов занимался, преимущественно, медициной и литературой и, казалось бы, был далек и от образования, и от классицизма. Тем не менее, он оказался причастен и к тому, и к другому.

Весной 1887 г., будучи молодым, но уже известным писателем, А.П. Чехов находился в родном Таганроге, где встречался и общался со своим гимназическим учителем Владимиром Дмит-

риевичем Старовым, который когда-то преподавал ему латынь. Древние языки, можно не сомневаться, были предметом их обсуждения, поскольку известно, что А.П. Чехов показал В.Д. Старову письмо своего брата Александра на латинском языке. Гимназический учитель «пришел в неописуемый восторг от “духа”, каким написано это короткое, но замечательно талантливое письмо» (Чехов 1975а: 86). В октябре того же года из Москвы Антон Павлович отправил в Таганрог сборник своих произведений «В сумерках. Очерки и рассказы» (СПб., 1887) с дарственной надписью: «Владимиру Дмитриевичу Старову за Салюстия, Овидия, Тита Ливия, Цицерона, *Виргилия* и Горация, за *ut consecutivum, antequam* и *priusquam*, и за ночлег от бывшего ученика и автора. <18>87.15/X. А. Чехов [авторская орфография сохранена. – В.К.]». Далее следовала цитата из Горация: «*Exegi monumentum aere perennius. (Hor. Carm. XIII, 2)*» и адрес, по которому тогда проживал Чехов: «Москва, Кудринская Садовая, дом Корнеева» (Шапочка 2010: 112; Чехов 1983: 149). В этой надписи много интересных деталей:

– перечень латинских авторов, которые были читаны гимназистом Чеховым; здесь названы почти все римские поэты и прозаики, которые читались на занятиях по латыни того времени (преднамеренно или неосознанно Антон Павлович допустил ошибки в именах Саллюстия и Вергилия); здесь не указаны, пожалуй, лишь авторы исторических текстов Юлий Цезарь и Корнелий Непот – всё это классические авторы или классики, как их тогда называли;

– некоторые грамматические категории: употребление союза *ut* с конъюнктивом в придаточном предложении (в частности, *ut consecutivum*); использование союзов *antequam* и *priusquam*, вводящих придаточное предложение времени с глаголом в изъявительном наклонении;

– цитата из оды Горация к Мельпомене, которая, несомненно, отсылает читателя к пушкинскому «Памятнику» и свидетельствует о том, что Чехов уже тогда вполне осознавал значимость своих занятий литературой (Кашеев 2017: 50).

Дарственная надпись приобретает новые смыслы, если ее соотнести с тем, что в мае 1879 г. А.П. Чехов сдал два выпускных экзамена по латинскому языку: письменную работу – на оценку 3 и устный ответ – на 4 (Летопись 2000: 61), а в приеме этих экзаменов, без сомнения, участвовал В.Д. Старов. Его подпись стоит в «аттестате зрелости», который свидетельствует, что Чехов успешно окончил Таганрогскую Александровскую гимназию. В документе особо интересны две оценки: латинский язык – 3; греческий язык – 4 (Летопись 2000: 62).

За десять лет учебы в классической гимназии (1869–1879 гг.) и пять лет – на медицинском факультете Московского университета (1879–1884 гг.) Чехов получил добротное образование, он детально знал систему государственного, частного и духовного образования в России своего времени. Это нашло отражение в произведениях, персонажами которых выступают гимназисты, воспитанники духовных семинарий, студенты университетов, учителя классических гимназий и университетские профессора. Классическая гимназия представлена в рассказах «Орден», «Учитель словесности», «Человек в футляре», в пьесах «Чайка» и «Три сестры» такими запоминающимися персонажами, как Ипполит Ипполитыч, Беликов, Медведенко, Кулыгин (Кашеев 2014; Петрова 1968; Петрова 1969).

Классическое образование является важным элементом в мире Чехова. Как человек и художник он имел свой взгляд на гимназию и преподавание древних языков, познакомиться с этими взглядами представляется интересным для всякого, кто стремится понять систему образования и

общекультурную ситуацию в России во второй половине XIX в.

В этой связи особую ценность представляет рассказ «Случай с классиком» (Чехов 1975а: 124–126). Это произведение было написано до 17 апреля 1883 г., впервые опубликовано в журнале «Осколки» (№ 19) 7 мая того же года и имело заглавие «Ваня, мамаша, тетя и секретарь». При подготовке текста для собрания сочинений Антон Павлович сменил ярко выраженное *персонажное* название на *ситуационное*. В новой формулировке сделан важный смысловой акцент: в рассказе представлена ситуация, в которой оказался учащийся *классической гимназии*; многозначное слово «классик» здесь – кличка именно гимназистов (Чехов 1975а: 501–502).

«Репетитор», также «осколочный» рассказ (Чехов 1975а: 336–338), увидел свет 11 февраля 1884 г. Через два года без всякой правки он был включен в сборник «Пестрые рассказы», а позднее – в собрание сочинений А.П. Чехова.

Оба произведения написаны Чеховым-студентом вскоре после бурной дискуссии в печати о судьбах реформы государственного образования графа Д.А. Толстого. Рассказы «Случай с классиком» и «Репетитор», несомненно, надо рассматривать как реплики в широкой общественной дискуссии. Важным для их интерпретации представляется общий культурно-исторический контекст (Кашеев 2017: 51).

Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), граф, обер-прокурор Священного Синода, министр народного просвещения, сенатор, член Государственного Совета посетил Александровскую гимназию в Таганроге два раза: вначале до выхода в свет гимназического устава 1871 г., положившего начало реформе, а затем – после. О приезде министра в августе 1867 г. позднее вспоминал Александр Чехов, который тогда только что поступил в I класс гимназии (Чехов 2012: 212–213). Александр Павлович считал, что граф Толстой положил «классицизм краеугольным камнем воспитания и развития» (Таганрог и Чеховы 2003: 74). Свидетелем второго приезда Дмитрия Андреевича Толстого в Таганрог был Антон Павлович – тогда ему было 15 лет, и он уже во второй раз (из-за древнегреческого языка) начал учиться в V классе гимназии. Известно, что министр присутствовал на разных уроках, в том числе на занятиях греческого и латинского языков у разных преподавателей во всех классах, в том числе и на уроках у латиниста В.Д. Старова (Таганрог и Чеховы 2003: 166). Таким образом, высока вероятность того, что Антон видел графа по меньшей мере на одном из уроков именно по древним языкам.

Классицизм в российском образовании начал возрождаться при министре народного просвещения А.В. Головине, который в 1864 г. ввел новый «Устав о гимназиях», по которому все гимназии были разделены на классические и реальные. В 1866–1881 гг. Д.А. Толстой провел свою реформу, она привела к тому, что в гимназическом образовании «восторжествовали принципы классицизма». Уже в 1871–1872 гг. название гимназий сохранили только *классические гимназии* с двумя древними языками – греческим и латынью, и только их выпускники имели право поступать в университеты. Прежние *реальные гимназии* были преобразованы в реальные училища, цель которых состояла в подготовке юношей к получению технических знаний и к практической деятельности (Басаргина 2012: 20). В проведении реформы графу Толстому помогал Александр Иванович Георгиевский (1830–1911), в 1866 г. он был назначен главным редактором «Журнала министерства народного просвещения», а с 1873 г. возглавил Ученый комитет этого министерства (Басаргина 2012: 21; Sinel 1973).

В результате Д.А. Толстой создал государственную систему классического образования, которую определяли две характерные черты:

во-первых, грамматический метод преподавания древних языков; письменным упражнениям, а также переводам с русского языка на древнегреческий и латынь без предварительной подготовки (так называемым *extemporalia*) отдавалось предпочтение по сравнению с чтением и содержательным толкованием подлинных текстов античных авторов;

во-вторых, в классическую гимназию не допускались никакие виды деятельности, кроме учебной: ни научная, ни культурная, ни политическая (Вах 1992: 47). В основу гимназических курсов по древним языкам было положено не античное культурное наследие в целом, а исключительно сухая грамматика древнегреческого языка и латыни. «Древние языки превратились в формальный способ развития умственных способностей учащихся при помощи грамматики» (Максимова 2005: 31).

Граф добровольно принял на себя едва ли не всеобщую ненависть и проклятия различных слоев российского общества (Вах 1992: 47). Но у него были и сторонники. Среди адептов классического образования следует, в первую очередь, назвать журналиста Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887) и филолога-классика, профессора Павла Михайловича Леонтьева (1822–1874). Они издавали журнал «Русский вестник» и газету «Московские ведомости», пропагандировавшие классическое образование и всячески поддерживавшие проводившуюся реформу. В 1868 г. они

основали в Москве Лицей цесаревича Николая, который просуществовал до 1917 г. и стал «образцовым учебным заведением классической системы русского образования» (Перевалова 2014: 59).

Противников реформы было немало, и среди них очень известные в России имена, например, Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907). В 1840-е гг. он прошел курс Тобольской гимназии, а затем преподавал в Симферопольской мужской гимназии и в гимназических классах при Ришельевском лицее в Одессе. Дмитрий Иванович бросил классицистам в лицо их «гнилого Аристотеля», по его выражению (Гаврилов 2010: 21). Противником реформы был Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), учившийся в Первой Петербургской мужской гимназии с 1876 по 1881 гг., т. е. примерно в те же годы, что и Чехов (Кашеев 2017: 52).

Но наряду с «реалистами», против реформы в тогдешнем ее виде выступали известные филологи-классики. Среди них был знаток истории римской литературы Василий Иванович Модестов (1839–1907). Позже он занимался археологией древнейшей Италии и по праву считается основателем этрускологии.

Позднее А.П. Чехов познакомился с В.И. Модестовым. В письме от 4 февраля 1901 г. из Рима он пишет Ольге Леонардовне Книппер в Москву: «Сегодня <...> с одним русским семейством и двумя барышнями осматривал древний Рим. Объяснения давал проф. Модестов, а барышни очень милые» (Чехов 1980b: 201). Антон Павлович не описывает античные памятники Вечного города: храм Весты и Пантеон, форум и Колизей, триумфальные арки Тита и Константина, триумфальные колонны Траяна и Марка Аврелия – всё то, что Василий Иванович должен был ему показать. Зная, чем можно заинтересовать Ольгу Леонардовну, Чехов сообщает о двух барышнях, «очень милых». Более подготовленного и осведомленного экскурсовода по римским древностям, чем В.И. Модестов, Антону Павловичу вряд ли можно было тогда найти. К тому времени профессор Модестов уже долгие годы жил в Риме.

В 1880 г. двумя изданиями был опубликован сборник «Школьный вопрос» В.И. Модестова, статьи которого затрагивали проблемы гимназического образования. Одни из них печатались в газете «Голос», другие – о классическом образовании в России и Франции – появлялись в периодической печати. «Моя профессорская практика, – заявляет филолог-классик, – постоянно подтверждала, что мне приходится иметь дело на филологическом факультете с людьми, которые, получивши в гимназии *аттестат зрелости*, не

только не имели понятия о духе древних классических писателей, но и не были в состоянии переводить их со смыслом и даже <...> совсем не интересовались содержанием переводимого [курсив В.И. Модестова. – В.К.]» (Модестов 1880: 190).

Предложения Василий Иванович сводились к тому, чтобы в десять раз сократить число классических гимназий и отказаться от «грамматического» подхода в преподавании древних языков. На его взгляд, необходимо постигать не букву, а дух классических авторов. В результате в конце 1879 г., по предписанию графа Д.А. Толстого, В.И. Модестов подал в отставку с должности профессора римской словесности Петербургской духовной академии и долгие годы не имел возможности преподавать (Аксененко 2011: 154–155).

Иван Владимирович Цветаев (1847–1913), тоже преподававший римскую словесность, но в Московском университете, во многом разделял взгляды своего коллеги на образование. Позднее в письме В.И. Модестову от 25 сентября 1898 г. он писал, что в его университете на третьем и четвертом курсах нет классического отделения. Причина этого, на его взгляд, вполне ясна: «...намаявшись с *extemporalia* в гимназиях, студенты получают отвращение к классическим языкам и бегут от них при первой возможности» (Аксененко 2011: 157).

В контексте дискуссии о классицизме в российском государственном образовании и необходимо рассматривать оба рассказа А.П. Чехова. В «Случае с классиком» бросаются в глаза некоторые детали автобиографического характера.

1. Ваня Оттепелев «порезался» на экзамене по греческому языку – Антон Чехов остался на 2-й год в V классе, потому что не сдал письменный экзамен именно по древнегреческому языку (Летопись 2000: 27).

2. Герою рассказа тринадцать лет, а Антону было двенадцать, когда он «порезался» по арифметике и географии, и в результате ему пришлось второй раз учиться в III классе гимназии (Летопись 2000: 18).

3. Фразу «Злое мое произволение!» имела обыкновение в сердцах произносить Евгения Яковлевна Чехова, обращаясь к сыновьям; об этом в одном из писем указывает Александр Павлович («Горькое мое произволение»). Это выражение взято из православной молитвы к ангелу: «О злое мое произволение, его же и скоти безсловеснии не творят!» (Правило 2010: 45).

4. В первом абзаце рассказа форма числительного сорок *тессараконта* (с двойной сигмой) использована вместо *теттараконта* (с двойной буквой *tau*), как следовало бы, потому что в гимназиях изучался аттический диалект греческого

языка. Именно форма с двойной сигмой употреблялась современными Чехову греками в Таганроге, а кроме того, в богослужении греческой и русской православной церкви; с ранних лет она была на слуху у братьев Чеховых. Таким образом, эта деталь имеет отношение к реалиям Таганрога и таганрогской гимназии.

5. Главный герой рассказа подвергается порке: «Кончив речь, он [Купоросов. – В.К.] снял с себя ремень и потянул Ваню за руку. <...> Ваня покорно нагнулся и сунул свою голову в его колени. Розовые, торчащие уши его задвигались по новым триковым брюкам с коричневыми лампасами... Ваня не издал ни одного звука» (Чехов 1975b: 126). Наказаниям своих сыновей-гимназистов нередко подвергал Павел Егорович, проявляя тем самым домашний деспотизм. Позднее А.П. Чехов писал брату Александру о недопустимости «грубого деспотизма» и лжи в отношениях с людьми: «...Деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать» (Чехов 1976: 122; Чехов 1980a: 139).

В рассказе несколько эпизодов.

I. В первом – события до посещения гимназии и сдачи экзамена по греческому языку: «Собираясь идти на экзамен греческого языка, Ваня Оттепелев перецеловал все иконы. В животе у него перекачивало, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью. Что-то ему будет сегодня? Тройка или двойка? Раз шесть подходил он к мамаше под благословение, а уходя, просил тетю помолиться за него. Идя в гимназию, он подал нищему две копейки, в расчете, что эти две копейки окупят его незнания и что ему, бог даст, не попадутся числительные с этими *тессараконта* и *октокайдека* [курсив мой. – В.К.]» (Чехов 1975b: 124). Атмосферу этого эпизода создают неуверенность, тревожные ожидания, но и некоторая надежда героя (Кашеев 2017: 53).

II. Во втором эпизоде – события после экзамена. Многочисленные речевые повторы свидетельствуют об иной атмосфере – плач, несчастье, мучение, тоска (обоих персонажей) определяют ее.

Плач: «Ваня замигал глазами, скривил в сторону рот и заплакал»; «Мамаша закрыла лицо полой кофточки и зарыдала»; «Батюшка! – обратилась к нему [Купоросову. – В.К.] мамаша, заливаясь слезами».

Несчастье: [Ваня:] «Несчастный... я человек...»; [Мамаша:] «...я у тебя несчастная, подлый мальчишка! Я у тебя несчастная!».

Мучение: [Мамаша:] «Плачу за тебя, за дрянную такую непутящую, спину гну, мучаюсь...»; «Му-

читель ты мой!»; «Мало я его била, мучителя моего! <...> У-у-у... иезуит, магомет, мучитель мой! <...> Вот и мучаюсь теперь».

Тоска: «Ваня завертелся от тоски»; [Мамаша:] «Всё утро тоска...».

Причиной смены настроения стала гимназия (ее посещение героем) и состоявшийся там экзамен по греческому языку. Экзамен как эпизод композиционно подчеркнут – именно в его отношении сюжетная композиция и фабула не совпадают – о нем Ваня рассказывает, уже придя домой.

Герой подробно описывает грамматические детали своего провала на экзамене, в которых его мамаша ровно ничего не смыслит: «Спросили меня, как будет будущее от «феро» [φέρω – несу], а я... я вместо того, чтоб сказать «ойсомай» [οἴσομαι – буду нести], сказал «опсомай» [ὀψομαι – буду видеть от глагола ὀράω – вижу]. Потом... потом... обложенное ударение не ставится, если последний слог долгий, а я... я оробел... забыл, что альфа тут долгая... взял да и поставил обложенное. Потом Артаксерксов велел перечислить энклитические частицы... [например: γέ, τέ, τοί, νῦν, τέρ, τίς]. Я перечислял и нечаянно местоимение впутал... Ошибся... [в квадратных скобках мои комментарии. – В.К.]» (Чехов 1975b: 124). Здесь могла бы быть какая-то из форм неопределенного местоимения τίς, τί – кто-то, что-то или одна из энклитических форм трех личных местоимений – μοῦ, μοί, μέ, σοῦ, σοί, σέ, οὗ, οἷ, ἔ.

Но каждому читателю чеховского рассказа, который окончил хотя бы три класса классической гимназии, понятно: Ваня «порезался» не из-за ошибок в понимании и переводе античных авторов, а из-за грамматических упущений в области морфологии глагола (супплетивные основы неправильных глаголов) и постановки ударения (энклитические частицы тоже относятся к разделу греческой акцентологии). Из-за этой грамматики его судьба рушится, как у однокашника Федора Ильича Кулыгина Козырева из-за ut consecutivum (Кашеев 2014: 65).

Особый комизм эпизоду с экзаменом придает тот факт, что экзаменует Ваню Оттепелева учитель по фамилии Артаксерксов. Именно он требует от гимназистов безупречного знания греческого языка. Один из персонажей «Анабасиса» Ксенофонта – произведения, которое читалось на занятиях по греческому языку в гимназиях, – персидский царь Артаксеркс II. А персы всегда считались главными противниками греков и всего эллинского.

Для выхода из ситуации «несчастья» предлагаются два пути – «классицизм» и «реализм». Примечательно, что именно борьба «классиков» и «реалистов» определяла пути развития образования в России на протяжении всего XIX в. Два эти

подхода представлены в рассказе. Первый путь предлагает мамаша: надо продолжить учебу в гимназии, но для этого следует устроить герою порку. На движении по другому пути настаивает тетя: нужно «по торговой бы части» пойти, для чего классическая гимназия вовсе не требуется (см.: Кашеев 2017: 53).

В следующем эпизоде воплощается «классический» замысел мамыши. Здесь Чехов мастерски использует еще одно «говорящее имя»: вывести из состояния всеобщего несчастья призван человек по имени Евтихий Кузьмич Купоросов, «человек умный и образованный» (Чехов 1975b: 126), а по-гречески слово εὐτυχία, от которого образовано это имя, означает *счастье, преуспевание, успех*. Но делает он это при помощи насилия (порки), которое к понятию счастья едва ли имеет какое-то отношение.

Развязка рассказа выглядит неожиданной и парадоксальной: «Вечером, на семейном совете, решено было отдать его по торговой части» (Чехов 1975b: 126). Жизнь берет свое: «классицизм» потерпел сокрушительное поражение, торжествует «реализм».

В рассказах «Случай с классиком» и «Репетитор» представлены три столпа, на которых покоилась русская классической гимназия: греческий язык, латынь и математика в ее арифметической ипостаси. «Репетитор» дает интереснейший материал латинского языка, который напрямую соотносится с разделами учебника, составленного немецким филологом Р. Кюннером, по которому учились и братья Чеховы в таганрогской Александровской гимназии, и многие поколения гимназистов 60–90-х гг. XIX в. повсюду в России (Кашеев 2015: 45).

Гимназист VII класса Егор Зиберов, готовя двенадцатилетнего Петю Удодова во II класс гимназии, задает ему «каверзные» вопросы по латыни: «А как будет дательный множественного от *dea*? – *Deabus... filiabus!* – отчеканивает Петя. <...> – А еще какое существительное имеет в дательном *abus*? – спрашивает он. Оказывается, что и «*anima* – душа» имеет в дательном *abus*, чего нет в Кюнере [курсив мой. – В.К.]» (Чехов 1975a: 337).

В рассказе «Репетитор» противники классицизма графа Д.А. Толстого нашли бы важный аргумент: гимназист VII класса, с одной стороны, знает редчайшие грамматические формы латинского языка и требует от своего подопечного такого же знания, но с другой – не в состоянии решить элементарную задачу, в основе которой уравнение с двумя неизвестными (Кашеев 2017: 54).

В своих воспоминаниях о таганрогской гимназии Александр Чехов дает яркую, эмоциональ-

ную оценку «грамматического» подхода в образовании: «Сколько труда и времени было затрачено на ни на что не нужные и убогоумрачительные по строгости и требовательности латинские *extemporalia*! Какая уйма трудных греческих переводов, помеченных дурным баллом за то только, что ударение поставлено не то или не над тем слогом! Под одним переводом, сделанным в четвертом классе, стоит резолюция учителя: “Вместо *omega* поставлено *omicron* – грубейшая ошибка. Так учиться нельзя. Из вас никогда не выйдет хороший ученик”. Под резолюцией поставлен толсто надавленный карандашом внушительный кол (единица)» (Таганрог и Чеховы 2003: 183–184).

В идеале встреча каждого гимназиста с древнегреческими и римскими классиками должна была бы завершиться тем, что «они останутся для него дороги и милы» и «будут сопутствовать ему в продолжение всей жизни» (Суворов 1882: 60). Но в реальности случалось иное. Так, В.И. Модестов пишет, что «в одном почтенном семействе» ему сообщили о прискорбном факте, как окончившие гимназический курс юноши, придя домой, «рвали на клочки, топтали ногами и жгли греческие и латинские книги, называя их своими мучителями» (Модестов 1880: 79). В глазах многих современников реформа Д.А. Толстого дискредитировала как систему классического обра-

зования, в которую вкладывались огромные усилия и средства, так и всю классическую филологию (Гаврилов 2010: 20–21).

Необходимо, однако, констатировать и совсем иной аспект классицизма в сфере образования. Во второй половине XIX в. классическая гимназия всё же создала мощную культурную почву, которая дала обильные всходы в литературе, изобразительном искусстве и университетской науке. Впечатляющий взлет русского антиковедения этого времени вряд ли был бы возможен без классической гимназии с ее древними языками. Государственная система образования Д.А. Толстого дала русской науке выдающихся ученых. В начале XX в. классическая филология в нашей стране «достигла европейского уровня по меркам того счастливого для филологии времени» (Гаврилов 2010: 24). Без классицизма в образовании не было бы ни замечательных русских переводов великих греческих трагиков Эсхила, Софокла, Эврипида, выполненных Вячеславом Ивановым, Фаддеем Зелинским и Иннокентием Анненским. Без него не было бы ни Серебряного века русской поэзии, ни золотого века русской философии. Однако в рассказах «Случай с классиком» и «Репетитор» великий классик литературы писал не об этой стороне классицизма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** – Вестник древней истории
ПССиП – Полное собрание сочинений и писем
CWL – Complete Works and Letters
Hor. Carm. – Гораций. Оды
PSSiP – Polnoe sobranie sochinenij i pisem

ЛИТЕРАТУРА

- Аксененко М.Б. 2011. В.И. Модестов и «школьный вопрос». Материалы к биографии // ВДИ 1, 153–159.
 Басаргина Е.Ю. 2012. Из истории реформы Д.А. Толстого: А.И. Георгиевский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского 1 (2), 20–23.
 Вах К.А. 1992. Классическое образование и его утверждение в России // Греко-латинский кабинет 1, 38–49.
 Гаврилов А.К. 2010. Античное наследие в России (IX–XX вв.) // О филологах и филологии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 12–32.
 Кащеев В.И. 2012. К истории классицизма в российской провинции первой половины XIX века: саратовский грецист Иван Федорович Синайский // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения 12. №. 4, 62–71.
 Кащеев В.И. 2013. *Vissarionis filius senior* и *bonus frater Antonius*: латинский язык в переписке Александра и Антона Чеховых // А.П. Чехов: пространство природы и культуры: Сб. материалов Международной научной конференции (Таганрог, 11–14 сентября 2013 г.). Таганрог: Изд-во «Лукоморье», 137–150.
 Кащеев В.И. 2014. «Здравствуй, ut consecutivum»: формы латинской грамматики и формы жизни в жизненной драме Федора Ильича Кулыгина // Наследие А.П. Скафтымова и поэтика чеховской драматургии: Материалы Первых международных Скафтымовских чтений: Коллективная монография. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 55–70.
 Кащеев В.И. 2015. Цинциннат и Чехов // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 20. Чехов и мировая культура. 60 лет Чеховским чтениям в Ялте: Сборник научных трудов / Титоренко Л.А. (ред.-сост.). Ялта: Ультра-Т, 33–49.

Кащеев В.И. 2017. «Случай с классиком» и классическая гимназия в эпоху заката русского классицизма: к интерпретации чеховского рассказа // Современные проблемы гуманитарных наук в мире: Сб. науч. трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 4. Казань: ООО НОЦ «Знание», 49–55.

Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 1. 1860–1888. 2000 / Громова-Опульская Л.Д., Гитович Н.И. (сост.). М.: Наследие.

Максимова С.Н. 2005. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX века. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина.

Модестов В.И. 1880. Школьный вопрос: Письма к редактору «Голоса». Пятнадцать статей. 2-е изд., доп. СПб.: Э. Гартъе; Книжный склад российской библиографии.

Перевалова Е.В. 2014. Лицей цесаревича Николая (1868–1917) – образцовое учебное заведение нового типа // Локус: люди, общество, культуры, смыслы 2. М., 56–67.

Петрова О.А. 1968. Преподавание древних языков в царской России и его отражение в произведениях А.П. Чехова // Труды Иркутского государственного университета 65. Вып. 4, 33–49.

Петрова О.А. 1969. Классическая гимназия в творческой биографии А.П. Чехова: Автореф. ... канд. филол. наук. Иркутск.

Правило молитвенное готовящимся ко святому причащению и ежедневное, вечернее и утреннее. 2010. М.: Синодальная типография.

Суворов А.В. 1882. Школьный вопрос: Статьи в защиту классической системы образования, начатые печатанием в «Варшавском дневнике» 1880 г. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа.

Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. 2003. Таганрог: Изд-во «Лукоморье».

Чехов Ал.П. 2012. Таганрогская гимназия // Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. М.: Захаров, 173–228.

Чехов А.П. 1975а. ПССиП: В 30 т. Сочинения. Т. 2. М.: Наука.

Чехов А.П. 1975b. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 2. М.: Наука.

Чехов А.П. 1976. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 3. М.: Наука.

Чехов А.П. 1978. ПССиП: В 30 т. Сочинения. Т. 13. М.: Наука.

Чехов А.П. 1980а. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 8. М.: Наука.

Чехов А.П. 1980b. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 9. М.: Наука.

Чехов А.П. 1983. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 12. М.: Наука.

Шапочка Е.А. 2010. Таганрогская Александровская гимназия: книга очерков. 1806–1919. Таганрог: Изд-во «Лукоморье».

Sinel A. 1973. The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. (Russian Research Center Studies; 72). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

REFERENCES

Aksenenko M.B. In: Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]. No. 1 (2011): 153–159. (In Russian).

Basargina E.Yu. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. No. 1 (2) (2012): 20–23. (In Russian).

Vakh K.A. In: Greko-latinskij kabinet [Museum Graeco-Latinum]. Iss.1 (1992): 38–49. (In Russian).

Gavrilov A.K. In: О filologah i filologii. [About Philology and Philologists]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2010, pp. 12–32. (In Russian).

Kashcheev V.I. In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations]. Vol. 12. No. 4 (2012): 62–71. (In Russian).

Kashcheev V.I. In: A.P. Chekhov: prostranstvo prirody I kultury. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Taganrog, 11-14 sentyabrya 2013 g. [A.P. Chekhov: Space of Nature and Culture. Proceedings of the International Scientific Conference. Taganrog, 11-14 September, 2013]. Taganrog: Izdatelstvo “Lukomor’e”, 2013, pp. 137–150. (In Russian).

Kashcheev V.I. In: Nasledie A.P. Skaftymova i poetika chekhovskoj dramaturgii: Materialy Pervyh mezhdunarodnyh Skaftymovskih chtenij: Kollektivnaya monografiya [The Legacy A.P. Skaftymov and the Poetics of Chekhov’s Drama: Proceedings of the 1st International Skaftymov Readings: Collective monograph]. Mjscow: GCTM im. A.A. Bahrushina, 2014, pp. 55–70. (In Russian).

Kashcheev V.I. In: Chekhovskie chteniya v Yalte [Chekhov Readings in Yalta. Chekhov and World Culture. 60th Anniversary of Chekhov Readings in Yalta. Collection of research papers] / Titorenko L.A. (ed.). Yalta: Ultra-T. Iss. 20 (2015): 33–49. (In Russian).

Kashcheev V.I. In: Sovremennye problemy gumanitarnykh nauk v mire [Modern Problems of the Humanities in the World Collection of research papers following-up the international scientific and practical conference]. Kazan: Znanie. No. 4 (2017): 49–55. (In Russian).

Letopis zhizni i tvorchestva A.P. Chekhova. [Chronicle of the Life and Work of A.P. Chekhov]. Vol. 1. 1860–1888 / Gromova-Opul'skaja L.D., Gitovich N.I. (comp.). Moscow: Nasledie, 2000. (In Russian).

Maksimova S.N. Prepodavanie drevnih yazykov v russkoj klassicheskoj gimnazii XIX – nachala XX veka. [Teaching Ancient Languages in Russian Classical Gymnasium in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina, 2005. (In Russian).

Modestov V.I. Shkolnyj vopros: Pis'ma k redaktoru "Golosa". Pyatnadcat' statej [School Problems: Letters to the Editor of "The Voice". Fifteen Articles. 2nd ed.]. St. Petersburg: E. Gart'e; Knizhnyj sklad rossijskoj bibliografii, 1880. (In Russian).

Perevalova E.V. In: Lokus: lyudi, obshhestvo, kultury, smysly [Locus: people, society, cultures, meaning]. No. 2 (2014): 56–67. (In Russian).

Petrova O.A. In: Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Irkutsk State University]. Vol. 65. Iss. 4 (1968): 33–49. (In Russian).

Petrova O.A. Klassicheskaya gimnaziya v tvorcheskoj biografii A.P. Chekhova [Classical Gymnasium in the Creative Biography of A.P. Chekhov: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences]. Irkutsk, 1969. (In Russian).

Pravilo molitvennoe gotovyashhimsya k svyatomu prichashheniyu i ezhednevnoe, vechernee i utrennee [Morning and Evening Prayer Rules of Preparation for Holy Communion]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 2010. (In Russian).

Suvorov A.V. Shkolnyj vopros: Stati v zashhitu klassicheskoy sistemy obrazovaniya, nachatye pechataniem v «Varshavskom dnevnike» 1880 g. [School Problems: Articles in Defense of the Classical Education System started by publishing in "The Warsaw Diary" in 1880]. Warsaw: Tip. Warsaw. uch. okruga, 1882. (In Russian).

Taganrog i Chekhovy: Materialy k biografii A.P. Chekhova [Taganrog and the Chekhovs. Materials to the Biography of A.P. Chekhov]. Taganrog: Lukomor'e, 2003. (In Russian).

Chekhov A.P. In: Aleksandr i Anton Chekhovy. Vospominaniya, perepiska [Alexander and Anton Chekhov. Memories, correspondence]. Moscow: Zakharov, 2012, pp.173–228. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Sochineniya [Complete set of works and letters in 30 volumes. Writings]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1975 a. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 volumes. Letters]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1975 b. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 volumes. Letters]. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Sochineniya [Complete set of works and letters in 30 vols. Writings]. Moscow: Nauka. Vol. 13, 1978. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 volumes. Letters]. Vol. 8. Moscow: Nauka, 1980 a. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 vols. Letters]. Moscow: Nauka. Vol. 9, 1980 b. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 volumes. Letters]. Vol. 12. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian).

Shapochka E.A. Taganrogsкая Aleksandrovskaya gimnaziya: kniga ocherkov 1806-1919 [Taganrog Alexander Gymnasium: A Book of Essays, 1806-1919]. Taganrog: Izdatelstvo "Lukomor'e", 2010. (In Russian).

Sinel A. The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoy. (Russian Research Center Studies; 72). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.

V.I. Kashcheev
Saratov, Russia

PROBLEMS OF CLASSICAL EDUCATION IN RUSSIA IN THE WORKS BY A.P. CHEKHOV "A CLASSICAL STUDENT" AND "THE TUTOR"

Abstract. The article deals with one of the most important aspects of classicism in the Russian culture of the second half of the 19th century, namely classical education. The author focuses on two short stories by A.P. Chekhov, i.e. "A Classical Student" (1883) and "The Tutor" (1884) which are analysed in the context of classical education system in Russia of that time. These works can be regarded as comments in the extensive public debate about the reform of public education launched by count Dmitri Tolstoy in the early 1870s. Such classic philologists as A.I. Georgievsky and Professor P.M. Leontev as well as M.N. Katkov, an influential Moscow journalist, were enthusiastic supporters of the reform. On the contrary, the famous scientists D.I. Mendeleev, V.I. Vernadsky and well-known Russian professors of philology V.I. Modestov and V.I. Tchvetaev opposed any innovations in education. In the short stories "A Classical Student" and "The Tutor" by A.P. Chekhov one can see an ironic take on the negative aspects of teaching Greek and Latin in gymnasium within the system of classical education created by D.A.

Tolstoy, the Minister of National Education. In both works there are a lot of details related to the personal, though not always positive, experience of their author as a student of Emperor Alexander Gymnasium in Taganrog. Nevertheless, classicism in the field of education created a cultural ground for abundant results in literature, art, and humanities in the late 19th – early 20th centuries. An impressive boom in the studies of antiquity in Russia at that time would have been impossible without classical gymnasium with its ancient languages.

Key words: Anton Pavlovich Chekhov; reception of antiquity; classical education system; gymnasium; reform of state education; Dmitry Andreevich Tolstoy; the Ancient Greek language; the Latin language.

About the author: Vladimir Ivanovich Kashcheev, Doctor of History, Professor at the Department of Ancient History.

Place of employment: Saratov State University.

Кашеев В.И. Проблемы классического образования в России в произведениях А.П. Чехова: «Случай с классиком» и «Репетитор» // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 10–18.

Kashcheev V.I. Problems of Classical Education in Russia in the Works by A.P. Chekhov: “A Classical Student” and “The Tutor” // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 10–18.

УДК 94 (571) «17»
DOI 10.5281/zenodo.833998

А.Ю. Конев
Тюмень, Россия

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК О КРЕЩЕНИИ ЛОБАНА (ОНЖИНА) АЛАЧЕВА: К ИСТОРИИ КОДСКИХ КНЯЗЕЙ И ИХ ПОТОМКОВ (XVII – НАЧАЛО XIX вв.)*

Аннотация. На основе малоизвестных и не вводившихся в научный оборот архивных документов рассматривается политика Русского государства в отношении туземной элиты Северо-Западной Сибири. В центре внимания – конфессиональный аспект этой политики. Автор статьи исходит из признания наличия в XVI–XVII вв. прямой связи между фактом крещения «иноземца»/«иноверца» и превращением его в полноценного подданного Московского государя. В соответствии с этим определяется значимость христианизации верхушки автохтонных сообществ региона и актуальность исследования выбранной темы. Анализ публикуемого текста копии благословенной патриаршей грамоты из фондов Государственного архива в г. Тобольске позволяет пересмотреть устоявшиеся в литературе точки зрения на датировку и обстоятельства крещения кодского «князца» Лобана/Никифора Алачева и предложить новую трактовку обусловленных этим событий. Можно полагать безусловным и тот факт, что утверждение за ним прав на «вотчину» Онжиных-Юрьевых было связано с принятием православия. Кроме того, в статье представлен материал для исследования генеалогии обеих линий владетелей Коды и судеб их потомков в конце XVIII – первой половине XIX в., прежде всего, отставного казака Ильи Алачева и его сына Федора, проживавших в Бронниковской волости Тобольского уезда.

Ключевые слова: крещение; иноверцы; Северо-Западная Сибирь; туземная элита; Кодское княжество.

Сведения об авторе: Алексей Юрьевич Конев, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной антропологии.

Место работы: Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр СО РАН».

Контактная информация: 625026, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86; тел.: 8(3452) 68-87-62, e-mail: aldimoks@mail.ru.

Одной из важных тем в изучении истории интеграции народов Северо-Западной Сибири в состав России является вопрос взаимодействия царской власти и туземной элиты. Как известно, к XVI в. в районах Нижнего Прииртышья и Северного Приобья сложилось несколько крупных раннеполитических объединений обских угров – вождеств, именованных в русских источниках

«княжествами». От того, как выстраивались взаимоотношения с их лидерами на начальном этапе русского присвоения данных территорий, зависели темпы, методы и формы приведения в подданство местного населения, в том числе обеспечение взимания с него дани-ясака, а также покорение Москвой соседних «немирных иноземцев» – самоедов и селькупской «Пегой орды». Харак-

* Исследование выполнено по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг. Приоритетное направление XII.186; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.